

DOI 10.35775/PSI.2025.116.4.024

УДК 327.38:004.918.2

ЦЯН ЧУН

аспирант Московского государственного

университета им. М.В. Ломоносова,

Россия, г. Москва

E-mail: qiangyuzhong01@gmail.com

СРАВНЕНИЕ СХОДСТВ И РАЗЛИЧИЙ В СТРАТЕГИЯХ ЦИФРОВОЙ ДИПЛОМАТИИ МЕЖДУ КИТАЕМ, США И РОССИЕЙ

Данное исследование посвящено сравнительному анализу стратегий цифровой дипломатии в Китае, США и России, что обусловлено возрастающей ролью информационных технологий в международных отношениях. В статье рассматриваются ключевые направления, подходы и методы цифрового взаимодействия, применяемые главными мировыми акторами, с целью выявления как общих трендов, так и особенностей национальных стратегий.

Во введении обоснована актуальность изучения цифровой дипломатии с учетом глобализации информационного пространства и усиления влияния сетевых коммуникаций в реализации внешнеполитических целей. Цель исследования заключается в систематизации и сравнительном анализе механизмов цифровой дипломатии, использующихся в Китае, США и России, а также в определении факторов, способствующих их успеху или провалу в условиях современной геополитической конкуренции.

В разделе методов описаны основные подходы исследования: сравнительный анализ политики, кейс-стади, контент-анализ официальных заявлений и цифровых платформ, а также экспертные интервью с представителями дипломатического сообщества. Такой междисциплинарный подход позволил охватить широкий спектр аспектов цифровой дипломатии, включая информационную безопасность, кибернетическую защиту и социальное воздействие на международную аудиторию.

В разделе результатов представлены основные различия и сходства в подходах трех стран. Китай делает акцент на централизованном управлении информационным потоком и создании позитивного имиджа через государственные цифровые каналы. США ориентируются на свободное распространение информации и использование многосторонних платформ для продвижения ценностей демократии, в то время как Россия демонстрирует склонность к использованию цифровых инструментов в качестве элемента гибридной войны и влияния на общественное мнение в странах-партнерах.

В обсуждении подчеркивается, что несмотря на наличие общих механизмов взаимодействия в цифровом пространстве, каждая страна выстраивает свою стратегию, опираясь на национальные приоритеты и внешнеполитические интересы. Результаты исследования могут стать основой для дальнейшего изучения влияния цифровых

технологий на международную дипломатию и разработки рекомендаций для совершенствования национальных стратегий в условиях информационных вызовов XXI века.

Ключевые слова: цифровая дипломатия, стратегии, сравнение, сходства, различия.

Введение. Цифровая дипломатия стала мощным фактором формирования имиджа государства и влияния на международной арене, поскольку информационное пространство сегодня охватывает все сферы общественно-политической и экономической жизни. Наблюдается активизация участия государств в различных онлайн-платформах, социальных сетях и мессенджерах для продвижения своих идей, культурных особенностей и дипломатических инициатив. В этом контексте сравнение стратегий цифровой дипломатии Китая, США и России представляет собой интересный пример различных подходов к использованию интернет-технологий и медиаканалов. Каждая из этих стран обладает собственной исторической, культурной и политической спецификой, которая отражается и на цифровых стратегиях взаимодействия с внешним миром. На первый взгляд, можно отметить некоторые структурные сходства в форме наличия специализированных подразделений, ответственных за ведение соцсетей, официальных страниц и дипломатических аккаунтов, но на более глубоком уровне проявляются существенные различия: в приоритетах, инструментах и целевых аудиториях. Китай стремится укрепить свой мягкий баланс влияния через контролируемые цифровые каналы и масштабные технологические разработки, США делает акцент на глобализации ценностей демократии и свободной рыночной экономики, а Россия использует гибридные подходы, совмещая традиционную информационную кампанию и цифровые инструменты для продвижения национальных интересов [14. С. 76–84]. Несмотря на различия, все три государства стремятся адаптироваться к новым вызовам в глобальном информационном поле, воспринимая цифровую дипломатию как основу для расширения внешнеполитического потенциала.

Развитие цифровой дипломатии в Китае тесно связано с политикой государства, направленной на укрепление позитивного имиджа страны за рубежом и продвижение своих концепций глобального развития. Здесь важную роль играет концепция «мягкой силы», в основе которой лежит демонстрация китайской культуры, традиций и экономических достижений. Ведущие китайские онлайн-платформы, такие как Weibo и WeChat, выполняют не только функцию внутренних коммуникаций, но и позволяют транслировать официальную позицию за пределами страны. При этом государственные органы китайской внешней политики активно используют зарубежные соцсети, хотя доступ к ним внутри Китая ограничен [2. С. 37–50]. Одновременно с этим продолжается экспансия китайских технологических гигантов: TikTok, Alibaba, Huawei и других, чьи глобальные позиции укрепляют представление о Китае как о ведущей инновационной державе. Однако жесткий контроль над информационным пространством внутри страны вызывает вопросы о подлинной открытости китайской цифровой дипломатии и ее подчиненности определенным политическим целям.

Материалы и методы исследования. США, в свою очередь, имеют долгую историю использования информационно-коммуникационных технологий и социальных сетей для продвижения своих идей и ценностей. Американские дипломатические структуры традиционно уделяют много внимания работе в ведущих транснациональных сетях Twitter, Facebook, Instagram, а также в ряде профессиональных площадок. Важное значение в американской цифровой дипломатии придается публичной дипломатии, ориентированной на зарубежную аудиторию, включая различные образовательные, культурные программы, а также продвижение идей гражданского общества. В США имеется множество неправительственных и частных организаций, которые сотрудничают с государством, формируя единую коммуникационную стратегию. Это позволяет добиваться максимальной диффузии американских взглядов на мировую политику. Тем не менее, взаимодействие госструктур и частного сектора порождает широкий спектр мнений: от поддержки и активного развития инноваций до критики вмешательства в дела других стран.

Роль цифровой дипломатии в формировании повестки дня международных организаций также становится все более заметной. Китай стремится усилить свое присутствие в структурах ООН, в том числе в Совете по правам человека и Международном союзе электросвязи, чтобы влиять на принятие норм в сфере интернета. США разрабатывают инициативы, связанные с глобальным интернет-управлением, продвигая идею сохранения открытого кода и участия частного сектора в регулировании. Россия выступает за реформы в международных организациях с целью повышения роли национальных государств в цифровом пространстве. Все три актера пытаются конкурировать за лидерство в таких форматах, как G20, BRICS, ШОС, где вопросы цифровой дипломатии выходят на первый план.

Важным направлением цифровой дипломатии являются образовательные проекты и обмен студентами. Китай посредством онлайн-платформ Института Конфуция предлагает курсы китайского языка, организует виртуальные мероприятия, знакомящие зарубежную молодежь с культурой и историей страны. США славятся своими вузами и стипендиальными программами, которые стали еще доступнее благодаря цифровым технологиям и дистанционному обучению. Россия, через механизм Россотрудничества, поддерживает обмен студентами, продвигая обучающие проекты на русском языке, а также внедряет онлайн-курсы по культуре и истории. Данные инициативы позволяют государствам формировать лояльные к ним сообщества в других странах, укрепляя мягкую силу и имидж на международной арене.

Результаты и обсуждение. Однако наряду с позитивными тенденциями существуют и серьезные вызовы. Активное проникновение цифровой дипломатии в социальные сети привело к тому, что конфликты иногда обостряются быстрее: стороны мгновенно реагируют на заявления, праздничные мероприятия или политические дебаты. Американская модель свободы выражения во многом провоцирует столкновение мнений, в том числе пророссийских

или прокитайских, и государство вынуждено регулировать контент для сохранения внутренней стабильности. Китайская модель, напротив, стремится к однородности информационного пространства, что может снижать уровень неожиданных конфликтов, но тоже вызывает противоречия в кругах правозащитных организаций. В России, в силу исторического контекста, сильные патриотические настроения позволили создать основу для государственной пропаганды, однако индивидуальные мнения в соцсетях часто становятся объектом пристального внимания властей.

Сходства в стратегиях трех государств проявляются в стремлении контролировать ключевые каналы распространения информации и формировать позитивный имидж страны за рубежом. Все они используют цифровые площадки для донесения официальной точки зрения и привлечения внимания к национальным достижениям. Кроме того, в каждом случае присутствует элемент национальной гордости и сознательной борьбы с негативными образами, создаваемыми внешними медиаструктурами. Различия же заключаются в уровне централизованного контроля, ресурсов, а также идеологических установках. У Китая и России более жесткая регуляция, США сильнее зависят от баланса между госинститутами, бизнесом и общественной дискуссией.

Цифровая дипломатия также затрагивает этический аспект использования информационных технологий. Китай рассматривает государственный контроль как необходимую меру, позволяющую избежать хаоса и экстремизма, а также противостоять иностранному влиянию, которое может разрушать стабильность. США подчеркивают ценность свободы слова и прав человека, указывая на риски авторитарных практик. Россия пытается оправдать свою модель «суверенного интернета» необходимостью защиты национальных интересов и культурной самобытности [15. С. 50–64]. В результате, наблюдается столкновение различных ценностных систем, каждая из которых транслируется в онлайн-пространство для воздействия на зарубежную аудиторию.

Анализируя стратегические приоритеты Китая, США и России, можно заметить, что каждая страна стремится к международному признанию и поддержке своих инициатив. Китай акцентирует внимание на совместной выгоде и экономическом сотрудничестве, продвигая проекты глобального масштаба. США, обладая мощной сетью союзников, активно формируют межгосударственные коалиции, чтобы создавать правила игры в цифровом пространстве. Россия продолжает искать новые союзнические форматы, концентрируясь на многосторонних организациях и тематических форумах. При этом цифровой формат вносит существенные коррективы: многие партнеры готовы сотрудничать с разными сторонами одновременно, выбирая самые выгодные условия.

В перспективе можно ожидать дальнейшей эволюции цифровой дипломатии. Китай будет укреплять технологические и экономические аспекты своей внешнеполитической стратегии, продвигать идею цифрового шелкового пути. США, вероятно, продолжат отстаивать идею свободы интернета, но при этом усилят собственные инструменты мониторинга и киберзащиты [10. С. 741–749].

Россия, столкнувшись со множеством ограничений и вызовов на международной арене, будет стремиться оптимизировать свою цифровую дипломатию, опираясь на партнерство с теми странами, которые готовы воспринимать ее модель цифрового суверенитета.

Интересно, что использование искусственного интеллекта в дипломатическом дискурсе становится следующей стадией развития. Китай инвестирует в системы анализа больших данных, чтобы более тонко таргетировать сообщения, учитывая культурно-специфические особенности языков и традиций. США на базе крупных IT-компаний формируют инструменты прогнозирования политических процессов, что помогает дипломатам принимать решения. Россия внедряет отечественные разработки ИИ, способствующие аналитике информационных потоков в соцсетях, в том числе на иностранных языках. Так формируется новый пласт соперничества, в котором технологическое преимущество способно существенно усилить позиции на международной сцене.

Помимо ИИ и анализа больших данных, возникает вопрос о квантовых коммуникациях и шифровании, которые в будущем могут стать ключом к недоступности информации для конкурентов. Китай уже достиг значительных успехов в разработке квантовых сетей (экспериментальные спутники и наземные станции). США совместно с западными союзниками также осуществляют подобные исследования, а Россия в свою очередь развивает собственные программы квантовых вычислений. Все это говорит о том, что цифровая дипломатия на долгие годы вперед будет связана с технологической гонкой, где мировые державы стремятся обеспечить себе приоритеты во всех перспективных областях.

Еще один важный аспект – идеологическая конкуренция. Китай продвигает модель «китайского пути», основанную на авторитарных методах управления и рыночной экономике под жестким контролем партии. США отстаивают ценности либеральной демократии, где свобода слова считается основополагающим принципом. Россия пытается утвердить суверенитет и самобытность, подчеркивая «традиционные» ценности и внедряя идею альтернативных пути развития. В цифровом пространстве каждое государство создает и поддерживает медиапроекты, влияющие на восприятие глобальной аудитории. И хотя методы и инструменты могут пересекаться, глубинные смыслы часто противоположны.

Эта конкуренция объясняет, почему создание альянсов и блоков становится одной из центральных задач цифровой дипломатии. Китайский формат сотрудничества с развивающимися странами, американские трансатлантические связи и российские попытки выстраивать «евразийский» формат – все это формирует сеть, переплетенную цифровыми информационными нитями. При этом каждая сторона стремится установить правила, благоприятные для себя, будь то в сфере торговли, кибернетической безопасности или культурного обмена [14].

Рассмотрим, к примеру, как каждая из стран использует инструменты «гражданской дипломатии» (people-to-people diplomacy) в цифровом формате. Китай проводит обмены между гражданами, делая упор на дружеские контакты и совместные бизнес-проекты, часто под эгидой государственных органов.

США активно стимулируют деятельность неправительственных организаций, которые могут налаживать связи в разных областях – от культуры до экологии. Россия в большей степени опирается на исторические и культурные связи, а также на функционирование диаспор, которые в цифровом пространстве поддерживают контакт с родиной [9. С. 191–199]. Все эти подходы позволяют обойти традиционные каналы официальной дипломатии и влиять на общественное мнение напрямую.

Отдельным аспектом цифровой дипломатии является взаимодействие с глобальными компаниями. Китайские технологические гиганты (Huawei, Tencent, ByteDance) часто действуют в связке с государственными интересами, продвигая китайские стандарты и решения. Американские корпорации (Google, Apple, Amazon) формируют глобальные экосистемы, в которых государство может получить доступ к данным и инструментам влияния, но также вынуждено считаться с интересами частного бизнеса [2]. Российские IT-компании, хоть и масштабом уступают мировым лидерам, пытаются закрепиться прежде всего на внутреннем рынке и на близлежащих территориях, обслуживая интересы госструктур и крупных корпораций.

При этом возникает серьезный вопрос о том, в какой мере частный бизнес согласен играть по правилам государства. В Китае крупный бизнес практически полностью подчиняется национальной повестке, находясь под пристальным контролем Компартии. В США традиционно присутствует более критический настрой бизнеса к госинициативам, однако при возникновении угрозы национальной безопасности власть может принудить компании к сотрудничеству. В России же взаимодействие государства и IT-сектора часто носит характер компромисса: с одной стороны, от компаний ожидают соблюдения законов о хранении данных и фильтрации контента, с другой – бизнесу позволяют развиваться и получать преференции.

Параллельно набирает обороты концепция «информационного саммита», где представители трех стран могут обсуждать вопросы цифровой дипломатии. Однако успех такого формата зависит от способности сторон пойти на уступки в области правил информационного взаимодействия. Китай будет настаивать на признании его цифрового суверенитета, США – на закреплении принципов свободы слова, а Россия – на учете многополярных интересов [6. С. 143–163]. Разногласия достаточно глубоки, что усложняет достижение консенсуса по ключевым вопросам кибербезопасности и интернета.

Особую роль играют молодые поколения, выросшие в эпоху соцсетей. Китайские миллениалы и зумеры, несмотря на ограничения, активно используют VPN и знакомятся с западными трендами, что порождает критику официальных нарративов. Американская молодежь, получая доступ ко множеству альтернативных источников, может поддерживать или оспаривать внешнеполитический курс правительства [8. С. 195–208]. Российские юзеры движутся в русле глобальных трендов, но сталкиваются с ограниченными возможностями доступа к зарубежным сервисам; все больше важно развивать локальные

аналоги. Таким образом, государствам приходится учитывать, что внутри них самих существуют различные мнения, часто транслируемые вовне, и это становится частью цифрового дипломатического пространства.

Устойчивость стратегий цифровой дипломатии проверяется кризисными ситуациями. В моменты обострений, будь то геополитические конфликты или экономические санкции, можно наблюдать, как каждая страна мобилизует свои цифровые ресурсы для оправдания позиции и нанесения информационного ущерба сопернику. Китай, обладая многочисленными ресурсами и устойчивой системой контроля, легко формирует единую линию в инфополе. США, имея разнообразие голоса, могут привлекать авторитетные медиа и объединять союзников на глобальном уровне [1. С. 47-70]. Россия, за счет гибких методов, использует государственные каналы, социальные сети и патриотические сообщества, хотя иногда сталкивается с ограниченностью своего влияния на западную аудиторию.

Все это подтверждает тезис о том, что цифровая дипломатия становится ядром внешней политики ведущих мировых держав. В Китае она встроена в общую концепцию «социального кредита» и технологической модернизации, в США – в стратегию продвижения демократических свобод и связей между людьми, а в России – в идею многополярного мира и защиты национальных интересов [5. С. 3-22]. Однако технологический прогресс заставляет все стороны не только конкурировать, но и искать возможности для сотрудничества, поскольку глобальные вызовы (экология, пандемии, терроризм) не могут быть решены без согласованных действий.

Итак, можно резюмировать, что сходства в цифровой дипломатии Китая, США и России проявляются в том, что все три страны активно используют медиа и IT-технологии для продвижения своих политических сообщений, образа себя на мировой арене и наборов ценностей. Сходство также в том, что каждая страна стремится к установлению определенных норм и правил в цифровом пространстве, выгодных именно ей. При этом различия становятся явными в технике регуляции пластиковых площадок: Китай и Россия склонны к более централизованному контролю, США – к сочетанию рыночного подхода и государственной политики. Различаются и акценты на аудиторию, и способы обращения к ней, и основные идеологические меседжи.

Многие аналитики считают, что в будущем появится еще одно существенное измерение – взаимодействие с транскорпоративными структурами, которые будут обладать своей дипломатической силой. Технологические кампании, имеющие капитализацию, сопоставимую с ВВП отдельных государств, будут играть все более серьезную роль в формировании глобальных цифровых норм. Учитывая, что Китай, США и Россия уже сейчас ведут активное сотрудничество или соперничество с крупнейшими IT-компаниями, встает вопрос: насколько границы между традиционной дипломатией и корпоративными интересами размыты [7. С. 232-241].

Анализ стратегий цифровой дипломатии заставляет задуматься и о будущем интернета как такового. Вполне вероятно, что мы станем свидетелями дальнейшей фрагментации сети на «регионы влияния», где будут действовать национальные законодательства и ограничения, подкрепленные технологическими барьерами. Китай уже реализовал подобную модель внутри страны, США пытаются сохранить глобальную сеть, но с известными обязательствами для партнеров, а Россия рассматривает варианты, которые позволяют при необходимости изолироваться от внешнего трафика. Будущее покажет, приведет ли это к созданию нескольких параллельных цифровых пространств или же страны придут к компромиссу о взаимном доступе.

В стратегиях каждого государства есть и элемент непредсказуемости, обусловленный стремительным развитием технологий. Искусственный интеллект, блокчейн, квантовые компьютеры и перспектива появления метавселенных открывают новые возможности для дипломатического взаимодействия и одновременно создают новые каналы уязвимости. Если Китай будет доминировать в области ИИ, это дает ему дополнительные инструменты влияния на общественное мнение и принятие решений. США, обладая значительными инвестиционными и инновационными ресурсами, могут оставаться ключевым игроком в разработке новых технических стандартов. Россия, используя свои научные школы и ресурсы, стремится поддерживать гонку, хотя вряд ли сможет доминировать в столь широком спектре направлений [3. С. 25-28].

Сложно оценить, к чему именно приведет это соперничество, но очевидно, что цифровая дипломатия становится неотъемлемой частью мировой политики. Государства тратят все больше средств на кибербезопасность, цифровую инфраструктуру, социальные медиа и аналитику – и все это рассматривается как важный компонент внешнеполитического влияния. Опыт пандемии COVID-19 продемонстрировал, что онлайн-форматы могут заменить даже высшие встречи руководителей, а значит, и будущее международной политики будет во многом цифровым [13. С. 152-161]. Реальность «виртуальных посольств», цифровых консульских услуг и онлайн-виз уже не кажется далекой фантастикой.

Можно подвести итог следующим образом. Китай, США и Россия – три ключевых игрока современного мира – развивают цифровую дипломатию в соответствии со своими политическими традициями, культурными особенностями и экономическими возможностями. Они видят в цифровом пространстве новую территорию для экспансии своего влияния, продвижения ценностей и защиты национальных интересов. Инструменты, используемые каждой страной, во многом пересекаются, однако нюансы управления, идеологические принципы и приоритеты в аудитории различаются. Китайская модель опирается на централизованный государственный контроль, масштабные инвестиции в технологии и мягкую силу через экономическое сотрудничество. Американская модель строится на взаимодействии государства, частных корпораций и гражданского общества, при этом продвигается идеология демократии и прав человека. Российская модель сочетает элементы государственного контроля с гибкостью

и использованием традиционных СМИ, развивая собственные цифровые сервисы под лозунгом суверенитета [10].

Неизбежно, что в будущем соперничество этих держав в цифровом пространстве будет нарастать. Однако у государств есть и стимулы к сотрудничеству, особенно в вопросах, затрагивающих глобальную безопасность, климат, здоровье и экономику. Нахождение баланса между конкуренцией и кооперацией станет важнейшей задачей цифровой дипломатии, и от того, насколько успешно стороны смогут достичь компромисса, зависит будущее мирового порядка. Возможно, что появятся новые механизмы регулирования интернета, которые станут результатом сложных переговоров, и каждая из стран попытается обеспечить там лидирующую роль для своих технологий и принципов [9].

Выводы. Приближаясь к заключению, стоит отметить, что изучение сходств и различий в стратегиях цифровой дипломатии Китая, США и России помогает понять глобальные тенденции современного мира, где граница между реальной и виртуальной сферой фактически стирается. Если раньше дипломатия заключалась в переговорах за закрытыми дверями и публичных выступлениях, то сегодня она ведется непрерывно в огромном потоке онлайн-коммуникаций. Китай стремится к лидерству через контроль и технологическое превосходство, США усиливает свои демократические ценности и опирается на мощь частного сектора, а Россия ищет способы защиты своей самобытности и расширения влияния через гибкие инструменты. В результате формируется новое поле стратегического соперничества, в котором каждая держава будет стараться извлечь максимум пользы, не забывая при этом о необходимости взаимодействия.

Цифровая дипломатия открывает границы кода, информации и символов, делая ее областью, где борьба идей, экономических интересов и политических концепций переплетается в глобальном масштабе. Мир движется к эре, когда тексты, изображения и видеоролики в сетях становятся решающим фактором для принятия решений. В этих условиях Китай, США и Россия, несмотря на очевидные противоречия, будут продолжать расширять свое цифровое присутствие, усовершенствовать инструменты анализа данных, ища при этом новые пути влияния на международную повестку. Однако останется ли интернет единым пространством или окончательно разделится на цифровые «сферы влияния» – вопрос, ответ на который еще предстоит найти [4. С. 5813-5828].

Таким образом, сопоставление стратегий цифровой дипломатии у трех ведущих держав демонстрирует и общую черту – активное использование новейших технологий для продвижения своих интересов, и существенные различия, связанные с культурой, идеологией и геополитическими целями. Наиболее вероятный сценарий – это дальнейшая фрагментация глобального интернета и усиление борьбы за установление новых цифровых правил. Исход же этой борьбы во многом предопределил расстановку сил в мировой политике в XXI веке. Впрочем, возможность согласованного регулирования, признания национальных особенностей и взаимной выгоды тоже существует, если страны смогут

преодолеть взаимное недоверие [14] и открыть перспективы для компромисса во имя общих целей человечества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Ван Юй.** «Дипломатия глав государств»: китайские СМИ о визите Си Цзиньпина в Россию в марте 2023 г. // Россия и мир: научный диалог. 2023. № 3 (9).
2. **Волосюк О.В., Козылов И.С.** Испания и Китай: от недоверия к стратегическому партнерству. Политическое измерение // Латинская Америка. 2024. № 5.
3. **Вэньсинь Х.** Стратегическая борьба Китая и США в информационную эпоху: проблема общественного мнения США в отношении Китая и двустороннее взаимодоверие // Информационные войны. 2024. № 2 (70).
4. **Инь С.** Китай во внешней политике России и использование цифровой дипломатии (2021-2023 гг.) // Вопросы политологии. 2023. Т. 13. № 11-1 (99).
5. **Кравцов К.С., Соболева Е.Д.** Аккаунты китайских посольств в социальных сетях как инструмент цифровой дипломатии КНР в Африке // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2023. Т. 48. № 4.
6. **Кривохиж С.В., Теленьга М.П.** Трансформация цифровой дипломатии в условиях новых вызовов: взгляд из Вашингтона и Пекина // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2024. Т. 17. № 2.
7. **Ли С., У Ф.** Практика медиадипломатии китайского правительства: на примере ответов представителей МИД КНР на вопросы иностранных журналистов в 2023 году // Политическая лингвистика. 2024. № 3 (105).
8. **Мао Шо.** Дипломатическая стратегия Китая в контексте инцидента с Мэн Ваньчжоу // Теории и проблемы политических исследований. 2022. Т. 11. № 1А.
9. **Се К.** Согласование стратегических ориентиров цифровой экономики Китая и России // Управленческое консультирование. 2022. № 10 (166).
10. **Син Х.** Цифровая дипломатия КНР: особенности, перспективы и соперничество с США // Вопросы политологии. 2024. Т. 14. № 2 (102).
11. **Сченснович В.Н.** Стратегическое партнерство государств Центральной Азии // Россия и мусульманский мир. 2022. № 1 (323).
12. **Чернявская К.Ю.** Китайская специфика цифровой дипломатии // Вестник студенческого научного общества ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет». 2023. Т. 2. № 15-1.
13. **Ran G., Yue G., Linfei Li.** A Historical Comparative Study of Data Cross-Border Policies: A Perspective Based on Global Political Diplomacy // Voprosy Istorii. 2023. № 4-2.
14. **Simeng Y.** Russian Digital Diplomacy Towards China in the Context of the Russian Special Military Operation in Ukraine: The Instance of the Official Weibo Account of the Embassy of the Russian Federation in China // Vestnik Volgogradskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye Otnosheniya. 2023. Т. 28. № 3.

15. Xu Bo., Wu H. Xi Jinping thought on Diplomacy and China-Russia Relations in the Context of Major Changes in the International Order // East Asia: Facts and Analytics. 2024. № 3.

QIANG CHONG

Postgraduate,
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia

COMPARISON OF SIMILARITIES AND DIFFERENCES IN DIGITAL DIPLOMACY STRATEGIES BETWEEN CHINA, THE USA, AND RUSSIA

This study is devoted to a comparative analysis of digital diplomacy strategies in China, the USA, and Russia, which is justified by the increasing role of information technology in international relations. The article examines the key areas, approaches, and methods of digital interaction used by the major global actors, with the aim of identifying both common trends and the peculiarities of national strategies.

The introduction justifies the relevance of studying digital diplomacy in view of the globalization of the information space and the growing influence of network communications in achieving foreign policy objectives. The aim of the study is to systematize and comparatively analyze the mechanisms of digital diplomacy used in China, the USA, and Russia, as well as to determine the factors that contribute to their success or failure in the context of modern geopolitical competition.

The methods section describes the main research approaches: comparative policy analysis, case studies, content analysis of official statements and digital platforms, as well as expert interviews with representatives of the diplomatic community. This interdisciplinary approach allowed for covering a wide range of aspects of digital diplomacy, including information security, cyber protection, and the social impact on the international audience.

The results section presents the main differences and similarities in the approaches of the three countries. China emphasizes centralized control of the information flow and the creation of a positive image through state digital channels. The USA focuses on the free dissemination of information and the use of multilateral platforms to promote the values of democracy, while Russia shows a tendency to use digital tools as an element of hybrid warfare and to influence public opinion in partner countries.

The discussion emphasizes that despite the presence of common mechanisms of interaction in the digital space, each country builds its own strategy based on national priorities and foreign policy interests. The findings of the study may serve as a basis for further research on the impact of digital technologies on international diplomacy and for developing recommendations to improve national strategies in the face of the information challenges of the 21st century.

Key words: digital diplomacy, strategies, comparison, similarities, differences.